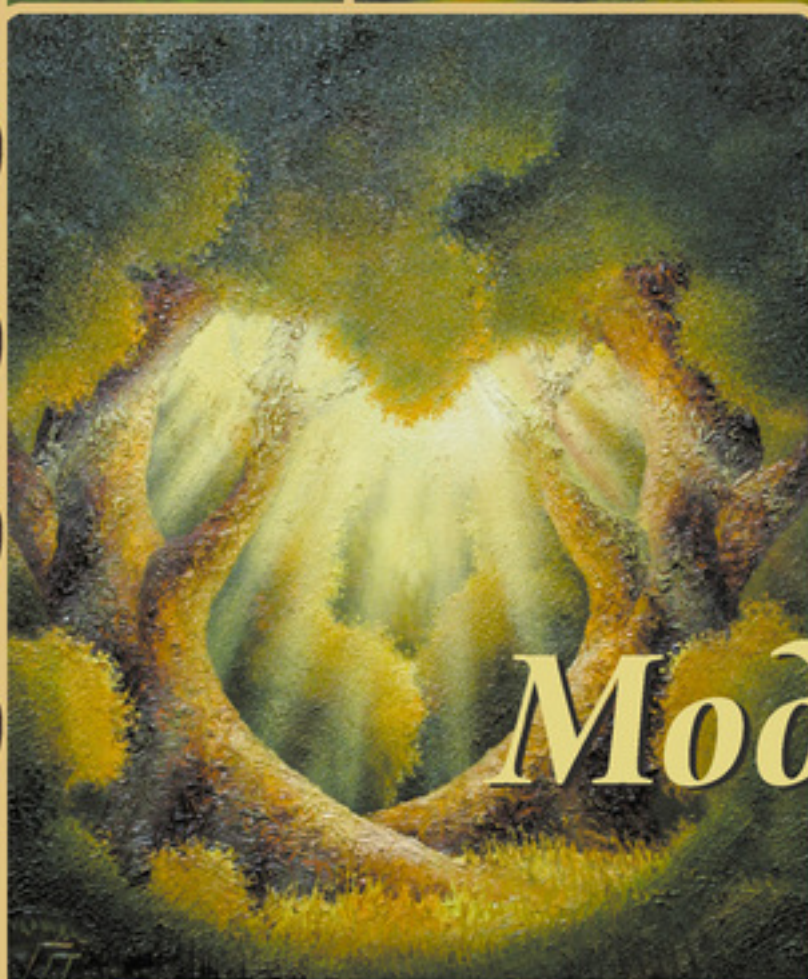

*Николай
Удальцов*

Модель
Роман

Книга пятая

Николай Удадьцов

Модель

«Автор»

2013

Удальцов Н. А.

Модель / Н. А. Удальцов — «Автор», 2013

...В этой истории, распавшейся на несколько повествований, я буду говорить не о творчестве, а о мужчине и женщинах. Так что тот, кто увидит в этих историях рассказ о творчестве, поймет меня правильно... Конец каждого из этих рассказов был не вполне приятен и понятен для меня. Но так уж устроена жизнь, что для того, чтобы сделать конец иным, нужно снова начинать с самого начала...

© Удальцов Н. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Злата	9
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Николай Удальцов Модель

На обложке картины автора.

Это диптих, который можно показывать и детям, и монахам...

Но – это эротические картины; и зритель без труда обнаружит в них мужское и женское начало...

Это картины для спальни...

Другие картины автора на сайте

Udaltsov.net

Недавно возникшее требование к определению допустимого возраста возможных читателей не вполне понятно мне.

Поэтому на всякий случай предупреждаю: «Данная книга, как и все книги, написанные мной, рассчитана только на тех читателей, которые отдают себе отчет в том, что эволюционировали от обезьяны не менее 200000 лет.

Остальных – прошу мои книги не читать и не беспокоить ни себя, ни меня...»

Автор

– Ты дал слово написать новую повесть.

– Простите, собратья... Повесть разрослась мыслями, и получился роман...

– Н-да... Писатели – это люди, чьему слову ни в коем случае нельзя верить.

Ну что же. Придется вместо повести роман читать...

...Художники, вообще-то, люди подозрительные: то они водку злоупотребляют, то – в карты поигрывают.

А то – страшно сказать – голых женицин рисуют...

...Так и представляю себе разговор двух художников:

– Пойдем, брат, злоупотребим водку, поиграем в карты, а потом попробуем нарисовать женицину.

И не какую-нибудь обнаженную, а просто – голую.

Такую – какая она есть, – говорить один.

А другой – ему согласно кивает:

– Ага...

...А может, и не кивает, а грустно и задумчиво соглашается:

– Попробуем нарисовать женицину...

Такую – какой ее пока нет...

Такую, какой ее пока никто не видел...

– ...Скажи, эта история о картинах?

– Да.

– А мне показалось, что она о твоём личном представлении о мире.

– Ты прав.

Потому что любое произведение искусства – это прежде всего – автопортрет автора...

– «Модель» – это женщины, позировавшие тебе для больших картин?

– Нет.

«Модель» – это маленькая картина большого мира, в котором мы живем...

...Я никому не предлагаю разделить мое мнение.

Больше того, мне иногда становится больно за то, что я сам его разделяю.

Просто иное мнение кажется мне лицемерным почти всегда – исключение составляют те случаи, когда иное мнение кажется мне глупым...

...В этой истории, распавшейся на несколько повествований, я буду говорить не о творчестве, а о мужчине и женщинах.

Так что тот, кто увидит в этих историях рассказ о творчестве, поймет меня правильно...

...Конец каждого из этих рассказов был не вполне приятен и понятен для меня.

Но так уж устроена жизнь, что для того, чтобы сделать конец иным, нужно снова начинать с самого начала...

...Я никогда не путал голую женщину в постели с обнаженной женщиной на холсте.

Впрочем, голых женщин я не писал никогда. На моих картинах женщина обнажена для того, чтобы быть символом не наготы, а искренности, правды и, может быть, даже истины.

Той истины, которую я понимаю, хотя я отдаю себе отчет в том, что могу понять далеко не все.

И не на все вопросы могу дать ответ.

Я даже не знаю ответа на главный для каждого художника вопрос: «Картины – это интерьер, в котором мы живем, или жизнь – это интерьер, в котором мы, художники, пишем картины?»

Ну что же, в конце концов, искусство – это попытка разобраться в красоте и гармонии посредством того, в чем мы не разбираемся...

...С другой стороны, обнаженность модели на картине – это не символ того, что правду демонстрирует модель.

Это символ того, что правду говорит картина.

А значит, правду говорит автор...

...Женщины, как и гражданские права, становятся бессмысленными, если не становятся частью жизни.

Осмысленный вариант и того, и другого особенно ценен и для художника, и для мужчины...

...С каждой из описанных в этой книге женщин говорилось о разном; но если разговор был серьезным – он всегда был о том мире, в котором мы живем...

... Так как я стою на том, что результаты творческого процесса отличаются от жизни на величину автора, мне доступны искажения: блондинку я могу сделать брюнеткой, стриженую девушку – пышиноволосой, а худышке добавить форм – мои искажения остаются в пределах здравого смысла.

Нельзя изображать Еву такой, что при взгляде на нее захочется остаться в раю.

И лужа – для меня – это не модель океана...

Я становлюсь на грань между тем, что есть, и тем, как, на мой взгляд, должно быть, и с этой грани смотрю на окружающий нас мир...

...Искусство – это всегда передача содержания через форму, подчиненную содержанию.

И я помню, как на одной из моих выставок какая-то заезжая мадам, видимо, желая посверкать эрудицией, сказала мне:

– Все с чего-то начинают.

Художник, например, начинает с того, что решает – какими красками он будет писать свою картину. – И мне пришлось разочаровать мою собеседницу:

– Художник начинает с того, что решает – что он хочет сказать своей картиной остальным людям.

– Да-а?

А потом?

– Потом картина говорит художнику – насколько это ему удалось.

И мадам удовлетворилась моим комментарием.

Но если бы она спросила:

– А – что между этим? – мне бы пришлось честно признаться:

– Не знаю...

...Как правило, мне позируют красивые молодые женщины.

Впрочем, в моем возрасте все женщины уже молодые, просто с годами понимаешь, что возраст – это понятие растяжимое.

Однажды мы разговорились на эту тему с моим другом, поэтом Иваном Головатовым, и он сказал:

– Разговоры о старости – это прежде всего – страх смерти. – И я ответил ему:

– Разговоры о старости – это прежде всего – надежда на то, что будешь жить долго...

...Как-то раз я проговорился своей старинной приятельнице, журналистке Анастасии:

– Я родился еще при отце народов, потом видел оттепель, застой, перестройку, пожил при национальном лидере. Правда, каждый раз все это было в кавычках, – и неожиданно нарвался на комплимент:

– Врешь ты все.

– Почему?

– Потому что, по-твоему, выходит, что в России можно прожить очень долго и так и не стать сволочью...

...Я бы солгал, если бы сказал, что увлекаюсь работой настолько, что не замечаю того, что передо мной обнаженная женщина.

Если мужчина занят так сильно, что ему некогда обратить внимание на красивую женщину, значит – он занят ерундой.

Да и вообще – тот, кто живет только ради искусства, по-моему, ничего в искусстве не понимает.

Кстати, когда я узнал, что мусульмане и конфуцианцы считают женищину злом, а православные – нет, то ощутил себя таким православным, каких свет не видывал.

И вряд ли это грех, которого я боюсь.

К тому же я не думаю, что вообще кто-то боится своих грехов. Просто многие боятся того, что своих грехов не боится никто.

Искушения посещают меня так же часто, как и всех остальных людей, и мне трудно быть праведником.

Праведником быть легко только человеку, лишенному искушений.

Возможно, тот, кто считает обнаженную женищину злом – просто никогда не видел обнаженных женищин...

– ...Но ведь голая женищина – это грех, – сказал мне кто-то когда-то, но я подумал: «Пусть женищина будет одета на улице по погоде, в храме – по канону.

А на моих картинах пусть женищина будет одета в женищину...»

...Ну, а тот, кто считает, что хорошая женищина – это плохо, просто не умеет считать...

...Но вот как выходит – иногда модели становятся еще подругами художников.

У меня иногда получается так, что мои модели становятся еще и моими друзьями.

И не то чтобы я много об этом думал, просто все время так у меня получается – стоит о чем-то задуматься, как в голову сразу приходит какая-нибудь мысль...

...Разумеется, эти истории не претендуют на рассказ обо всех женищинах, какими они бывают: а женищины, как и мужчины, бывают самыми разными.

И я помню, что, как бы ни было много звезд на небе – на небе их на самом деле еще больше...

... У каждой из моделей, у женищин, описанных в этих историях, было так немало чисто женских достоинств, и достоинства эти были так велики, что единственное, что имело смысл сравнивать – это их недостатки...

...Некоторые из описанных мной женищин поступали глупо.

Впрочем, я до сих пор не знаю: постоянно поступать умно – это умно или глупо?

Хотя мое незнание – слабое оправдание глупости...

...Ни в одной из рассказываемых мной историй я ничего не утверждаю.

Я просто предлагаю задуматься...

...И не откладывать истину на потом...

Злата (история «Страсти»)

... Закономерности – это что-то вроде письменного приказа.
Они не дают права на фантазию.
А случайности хороши уже тем, что на них можно просто рассчитывать.
Случайность – это шанс на перспективу...

... Так уж вышло, что погода на той неделе, когда я познакомился со Златой, стояла мерзкая: шел дождь, и вода с неба лилась так долго и нудно, что это уже была не погода, а какой-то климат.

В общем, атмосфера была такой, какой ей хотелось быть, и она явно не планировала стать судьбой.

Впрочем, быть недовольным миром – занятие довольно женское.

Тем более что все складывалось совсем не плохо, и на открытие моей выставки на первом этаже Центрального Дома фото собралась не то чтобы – толпа, но количество людей достаточное, чтобы быть приличным.

Даже с учетом того, что шел дождь.

Я смотрел на людей, а люди смотрели на мои картины – и это создавало своеобразную обратную связь: через картины люди знакомились со мной, а я знакомился с людьми через их отношение к тому, что я сделал.

Люди, ходящие на выставки, в большинстве между собой не знакомы и даже не объединены одной целью.

И все-таки они – не толпа.

Толпе не нужна свобода.

А посетитель выставок – это всегда свободные люди...

... Несвободные ходят в иные места...

... Людей было так много, что кого-нибудь из знакомых я мог бы пропустить. И тогда, вместо того, чтобы обидеться на кого-то за невнимание ко мне, мне пришлось бы сносить обиду других на невнимание к ним.

Поэтому я смотрел по сторонам внимательно, а в это время ко мне подбиралось утверждение о том, что живопись – самое коммуникабельное из искусств.

Я так и не понял – откуда появилась эта девушка? Она явилась словно ниоткуда, и мне ничего не оставалось, как дать ее появлению осмысленное определение – она возникла напрямик.

И было совершенно очевидно, что она была из того поколения, которое было счастливо уже потому, что еще не придумало себе повода быть несчастным...

... Красота этой девушки была ее рекомендацией, и я довольно опрометчиво доверился ей.

Не скажу, что она была именно Клаудиа Кардинале, но из того же района – точно.

А того, что эта девушка вывернет меня наружу и отношения с ней выйдут веселыми до валидола, я в тот момент еще не знал и безответственно отнесся к ее появлению, считая это появление едва ли не самым разумеющимся.

Мне сразу понравилось в этой девушке все, тем более что, подойдя ко мне и позабыв про «Здравствуйте», она спросила:

– Я – красивая?

– Да, – улыбнулся я, почему-то поверив в то, что передо мной не кривляка, а просто девушка.

А такое, что я доверялся первому впечатлению и оно меня не обманывало, со мной в жизни уже несколько раз случалось.

Так что, если бы это случилось еще раз, я бы не слишком сильно удивился.

А то, что у красоты только один по-настоящему серьезный враг – личное знакомство, мне почему-то в голову не пришло...

– ... Только не забывайте о том, скольких мужчин погубила женская красота, – улыбаясь, но делая это как-то очень серьезно, проговорила девушка.

И мне показалось, что в иной ситуации она еще и погрозила бы мне пальчиком, как это делают строгие воспитатели в детских садах, когда указывают на что-то своим подопечным.

Но так как под детсадника я не подходил ни по каким параметрам, девушка ограничилась просто улыбкой.

И тогда мне пришлось сделать то, что я, на свою голову, делаю слишком редко – не промолчать на известную мне тему.

Хотя, по сути, я просто вздохнул:

– Но сколько мужчин еще только мечтает об этом.

– Пространственно, – прошептала девушка, и я не понял: похвалили она мое заявление или поругала...

– ... А это вы написали эти картины? – моя новая знакомая обвела взглядом то, что висело на стенах, сделав полуоборот на носочках; и я не стал отнекиваться и честно признался:

– Да.

– А вы – гениальный? – спросила она; и я мог бы ответить: «Еще бы...», но в девушке было что-то то ли серьезное, то ли искреннее, так что ее вопрос заставил меня задуматься:

– Не знаю.

Но, во всяком случае, ругают меня теми же словами, какими ругали Рембрандта, Гойю, Ван Гога, Левитана и Малевича.

– Да, – попыталась посочувствовать мне девушка. – Очень много людей неблагодарных.

– Не переживай, – ответил я девушке.

А потом пояснил свою мысль:

– Для того чтобы было много неблагодарных, прежде всего нужно много людей, которых было бы за что благодарить.

– Вы занимаетесь культурой? – спросила она, скорее ставя галочку в кондуите своей памяти, в графе «Разговор с художником», чем определяясь в миропонимании. И в выражении

ее лица было что-то такое, что наводило на мысль о том, что то, кто и чем занимается в жизни, занимало не первое место в том, что ее интересовало.

Но, с другой стороны, еще какое-то «что-то» в ней предложило мне отвечать ей серьезно.

Тем более что она добавила:

– А почему вы это делаете?

Я мог бы сказать:

– Потому что культура формирует страну, – но ответил проще:

– Потому что не хочу, чтобы люди были ширпотребом.

Она еще немного походила глазами по моим картинам и поделилась со мной результатами этого похода:

– Вы, наверное, любите фантастику, если рисуете такие картины. – И я простил ей слово «рисуете»:

– Девочка, для художника в мире не так важно придумывать что-то новое, как важно обдумать то, что уже есть вокруг него. – И она простила мне слово «девочка».

– А вы много работаете?

– Много. – Иногда легче сказать правду, чем соврать. Тем более что поначалу в разговоре с ней я спотыкался не о слова, а только о знаки препинания.

– А я часто ничего не делаю и просто слоняюсь из угла в угол.

– Не ты единственная, девочка, – улыбнулся я.

– А кто еще, например? – спросила она, очевидно, рассчитывая на достойного коллегу по времяпровождению.

И я ответил первым же примером, который пришел мне на ум:

– Например – министр обороны.

– Да-а... – прошептала девушка, явно припоминая то ли – кто такой министр, то ли – кто такая оборона.

И, видимо, решив не перенапрягать свою память, продолжила свои вопросы:

– А почему вы меня ни о чем не спрашиваете? – Такие вопросы всегда двойственны: то ли девушка хотела услышать мой вопрос, то ли она хотела, чтобы я услышал ее ответ.

Впрочем, общение с этой девочкой превращалось в оказию размять мысли в любом случае.

– Какую ты любишь музыку? – спросил я, сбивая ее с толку неожиданностью вопроса.

– Музыку? – нашлась она довольно быстро, покопавшись в соображалках всего пару секунд и, видимо, придя к собственному выводу, что сказать что-то очень современное было бы не ко времени:

– А разве это о чем-нибудь говорит?

– Конечно, – ответил я, потому действительно так считаю. – Это говорит о человеке очень многое.

– Ну, хорошо, – девочка на мгновение прищурила свою память:

– Я люблю Чайковского.

Ну и о чем это говорят мои слова? – И на это заявление девушки мне пришлось ответить, хотя и с улыбкой, но честно:

– Твои слова говорят о том, что ты – врушка.

Так уж выходило, что наш диалог мы перемежали молчанием, впрочем, малосекундным.

И я спросил вновь:

– А какие книги ты любишь? – И девушка задумалась теперь уже надолго.
Секунды на три:

– Я люблю Достоевского.

– И что из Достоевского тебе нравится больше всего?

Она еще раз подумала и сказала:

– Все.

– Что именно? – довольно бесчувственно не отставал я от бедной девчонки.

И ей пришлось подумать в третий раз подряд:

– Сейчас и не вспомню.

Откровенно говоря, в ее обмане не было ничего страшного.

Из тех, кто любит Достоевского, я не встречал никого, кто бы его читал. А из тех, кто читал Достоевского, я не встречал никого, кто бы его любил.

– А какая книга, написанная в России, по-твоему, лучшая? – сам не зная на что рассчитывая, спросил я.

– Не знаю.

Библия, наверное.

Говорят, ее обязательно нужно прочитать, и я ее когда-нибудь прочитаю. – Оказалось, что у меня довольно крепкая нервная система; в ответ на эти слова девушки я даже не вздохнул.

Не ждал же я, что она скажет: «Хождение по мукам» или «Московская сага».

– Вы не думайте, я люблю читать, – сказала девушка, и мне показалось, что я заставил ее оправдываться. – Читаешь книжки и понимаешь – какой мир и какими людей создал Бог.

Насчет Бога, она явно симпровизировала, и в ответ на ее импровизацию я промолчал.

Мне не хотелось говорить о том, что, если бы Бог создавал людей не по своему подобию, а по подобию, скажем, героев Джека Лондона, мир был иным.

Впрочем, о том, кто такой Джек Лондон, она вряд ли знала больше, чем о том – кто такой Бог...

...Хотя, пожалуй, о том, кто такой Бог – вообще никто не знает.

А наш персональный разговор с этой девушкой о Боге в этот момент даже не планировался, хотя уже намечался.

Как разговор и еще об очень многом.

Правда, ни она, ни я об этом пока не догадывались...

– ...Ну, ладно, – сказала девушка, и было непонятно: примирилась она со своим обманом или с моей правдой. – Спросите меня еще о чем-нибудь.

– Как тебя зовут? – я выбрал самый простой и в то же время самый назревший вопрос.

– Злата.

Только не говорите мне, что это имя мне очень идет.

– Это имя тебе действительно очень идет; но я не скажу тебе об этом, если тебе это неприятно.

– Приятно, но просто все на свете так говорят.

– А разве ты уже познакомилась со всеми на свете?

– Так говорят все, кого я встречала.

– Значит все, кого ты встречала, говорили тебе приятные слова. – Я с самоуверенностью старого дурака вел ее по разговору.

И вот тут-то Злата меня поймала:

– Да.

Хотя в каждом человеке обязательно есть что-то хорошее. Только почему-то я не хочу, чтобы вы – оказались таким, как все.

А потом она поймала меня еще раз:

– Впрочем, вы не ширпотреб. – Этими словами она продемонстрировала мне, что мои предыдущие слова не пропадали втуне.

Хотя мне захотелось уточнить

– А что такое, по-твоему, ширпотреб?

– Может – вы мне сами объясните? – ответила она мне вопросом на вопрос; и получилось так, что на свой вопрос мне пришлось отвечать самому:

– В настоящем искусстве обязательно должно быть что-то непонятное.

Что-то, до чего люди должны дорасти.

А потом оценить то, что в них изменилось.

Ширпотреб – это то, в чем нет ничего непонятного.

– Значит, я была права.

Главное – мне дорасти до вас.

– Нет, девочка.

Главное – тебе перерасти меня.

– Мне уже интересно с вами, – девушка смотрела мне прямо в глаза.

Будь я цветком, от этих слов красавицы я расцвел бы, не дожидаясь весны, хотя, вообще-то, она была временами странной.

Во всяком случае, в словах: то скажет, что хочет прочитать Библию, то – что в каждом человеке есть что-то хорошее...

...Мы помолчали секунд восемь.

Для меня – мало, для нее, как оказалось, – много.

И она перебила наше молчание:

– Сколько вам лет?

– Для разумной жизни я слишком молодой, а для молоденьких девушек – я уже старый.

– Да какой же вы старый? – в ее голосе прозвучала не порожденка цивилизации – лесть, а куда более древнее чувство – удивление.

И это было самой большой лестью для меня:

– Дело в том, девочка, что у любого возраста есть и своя молодость, и своя старость.

– Я сейчас угадаю – сколько вам лет? – сказала она, но игра в угадайку не входила в мои планы; и я остановил поток мысли моей новой знакомой:

– Не гадай.

Мне – пятьдесят пять, – Я не собирался ее удивлять; просто мне действительно не хотелось, чтобы девочка ломала голову.

Тем более что в датах всегда есть что-то непонятное для меня.

Я, например, до сих пор не знаю – какая дата важнее: рождения или смерти?

– Пятьдесят пять?! – Девушка была явно потрясена свалившейся на нее цифрой:

– Это – когда же мне столько будет?! – В этом вопросе знак вопроса явно был окружен восклицаниями – словно речь шла не о пятидесяти пяти годах, а о пятидесяти пяти веках.

И я вернул девушку в нынешнее столетие.

В эру, которая называется новой:

– Когда – уверенность в том, что приобрел жизненный опыт, окажется в прошлом, а попытки формировать взгляды на жизнь – все еще в будущем.

– А какое будущее у вас? – В вопросе Златы не было ничего неожиданного, но я подзадумался:

– Не знаю.

– И вас это не расстраивает?

– Нет.

Но меня утешает одна надежда, – сознался я; и девушка уточнила мое представление о сознании:

– Какая?

– Надежда на то, что у моего будущего окажется вполне приличное прошлое...

– ... Мы тут как-то встречались с одноклассниками и говорили о том, какими мы будем в зрелом возрасте, – сказала девушка; и я, оценив ее слово «зрелый», деликатно заменившее слово «старость», уточнил:

– И где вы встречались с одноклассниками?

– Как – где? В кафе.

– Так вот, зрелость – это когда одноклассников чаще встречаешь не в кафе, а в поликлинике...

– ...Вы так много жили и, наверное, много чего помните? – Девушке явно хотелось сделать мне комплимент, но ее личное человеческое лицемерие, видимо, еще не натренировало ее формы общения:

– У вас наверняка хорошая память.

Я отозвался микстом из кивка и улыбки.

Не говорить же мне ей было, что в моем возрасте если еще помнишь, что у тебя склероз, значит, с твоей памятью все нормально...

– ...Скажите, а в вашем возрасте еще есть любовь? – После разговора о моем возрасте ее вопрос о любви был естественным.

Впрочем, вопрос о любви естественен после любого разговора.

И даже – до.

– Да, – ответил я, – Только в вашем возрасте цена любви – восемнадцать прожитых лет, а в нашем – пятьдесят.

Наша любовь ценнее.

– Почему?

– Потому что наша любовь взрослее.

И мы лучше знаем ей цену.

– Какой вы умный, – девушка отступила на пол маленького шага, словно стараясь осмотреть мой ум со стороны:

– Вы таким стали с возрастом?

Куда мне до вас.

На ее слова я просто улыбнулся, и эта улыбка стала ответом:

– Не бывает такого возраста, в который нельзя было бы умнеть, – сказал я правду.

Впрочем, я сказал ей не всю правду.

Я не сказал девушке, что, как бы человек умен ни был, своей возможностью сделать глупость он всегда сможет воспользоваться.

Да и вообще, мы страна, в которой иногда глупо быть умным...

– У вас такой большой личный жизненный опыт, – сказала Злата; и я не понял – к чему?

Но она тут же пояснила свою мысль так, что мне пришлось улыбнуться:

– Наверное, он помогает вам жить.

Улыбнулся я молча потому, что мне не хотелось открывать главную тайну каждого человека такой молодой девчонке – тайну, которую далеко не все люди открыли для себя: «Личный жизненный опыт – самая ненадежная опора в жизни...»

– ...А какая у вас машина? – сделала она мне комплимент, после того как вопросы о возрасте, уме, любви опыте показались ей исчерпанными.

Наверное, моя внешность показалась ей такой презентабельной, что я тянул на БМВ.

А может, даже, на мечту идиотов – «Хаммер».

Но все дело в том, что водить машину я так и не научился.

Зато с тех пор как разобрался в том, как это делается другими людьми, стал переходить улицу только по подземным переходам.

– У меня нет машины. – Мой ответ вызвал у нее не разочарование, а удивление.

И она искренне отреагировала на него:

– Разрешите обалдеть.

– И как же можно жить без машины? – спросила Злата, после того как справилась со своим обалдением.

– Очень просто.

Нужно регулярно есть фрукты, а по утрам делать зарядку...

– И все?

– Нет, не все.

– А что же еще?

– Остальное – каждый должен решить сам...

– ...Скажите, – спросила она, – а жизнь – сложная вещь?

– Не сложная, – ответил я, подключив свой ненадежный жизненный опыт, – раз в ней разбираются даже дураки...

...Вот так я встретился с этой девочкой из поколения, задремавшего где-то между Че Геварой и Окуджавой.

Притом о существовании ни первого, ни второго – не подозревавшего.

В тот момент я думал, что ее поколение еще не научилось тому, чему научилось наше поколение: лицемерить и скрывать то, что мы представляем собой на самом деле.

Только потом я узнал, что она была из того поколения, которое научилось откровенно рассказывать о том, что оно собой представляет – то, чему наше поколение так и не научилось.

Если мы, в эпоху Гагарина, выбирали между Доном Кихотом и Гамлетом, то они, в эпоху Леди Гаги, выбирали Леди Гагу.

Впрочем, все, возможно, было не совсем так, как я подумал в тот момент.

Возможно, все было проще.

Между Василием Блаженным и Василием Теркиным мы вначале выбрали Василия Теркина; потом Василия Теркина забыли, а тем, кто такой Василий Блаженный, так и не поинтересовались...

...А о том, что мое поколение оказалось банальным историческим провинциалом, я в тот раз даже не подумал подумать...

...Как-то я сказал моему другу, поэту Ване Головатову:

– Знаешь, похоже, своего велосипеда они не изобретут. – И он ответил:

– Зато обязательно научатся орать во весь голос о том, что они лучшие на свете велосипедисты...

...Я спросил своего друга, художника Григория Керчина:

– О чем они задумываются и что такое они знают из того, что не знали и не задумывались мы в их возрасте? – И Гриша улыбнулся, правда, сделал он это как-то грустно:

– Они не задумываются о том, что Земля круглая, но знают – что такое пересадка во Франкфурте.

И пусть черт его знает, когда она там была – Куликовская битва.

Мне ничего не осталось, как согласиться с Григорием:

– И – Ледовое побоище...

...Злата прервала мои мысли самым незамысловатым образом.

Она вновь захотела сказать мне что-нибудь приятное:

– Знаете, а я ведь о вас где-то слышала. – Но я разочаровал ее, оказавшись не падким на популярность:

– Тогда – не верь.

Это – вранье.

– Вы не верите даже тогда, когда о вас пишут хорошо? – удивилась девушка; и я ответил так, как думал – хотя мой экспроментальный ответ удивил меня самого:

– Я не верю даже тогда, когда обо мне пишут плохо...

...И тут мне пришло в голову предложение, хотя и не претендующее на эксклюзивность, но все-таки на что-то годное:

– Злата, а ты не хотела бы попозировать мне для картины?

– Это в смысле – голая? – насторожился ее голосок.

– В принципе, ты определилась совершенно верно.

– Значит – голая? – утвердилась она, а я вздохнул:

– Значит – в смысле.

– Интересно, – призадумчиво прошептала девушка.

– Что тебе интересно?

– Интересно, как вы меня изобразите одетой только в один смысл?

– Это уже моя забота, – призадумчиво прошептал я, представляя себе эту девушку одетой только в мой взгляд.

– А это – как?

– Это так, что я хочу написать с тебя картину; но до тех пор, пока мы не начали, у тебя есть возможность отговорить меня от этой затеи.

– А почему вы хотите написать картину именно с меня?
– Потому что я создаю спорные произведения искусства, а ты – произведение искусства бесспорное...

– ... А вы всегда говорите правду? – спросила она, помолчав секунды полторы.
– Да, – честно соврал я...

– ... Понятно, – вздохнула Злата.
– Что тебе понятно? – переспросил я, уточняя – к чему относится этот вздох: к тому, что ей нужно будет раздеться, или к тому, что мне придется писать картину?
– Понятно, что вы меня распнете, а я даже не буду знать – зачем мне это нужно?
Может, объясните?
– Не объясню, Злата, – я говорил серьезно; и мою серьезность подтверждала улыбка.
– Почему?
Сами не знаете?
– Знаю.
– Что знаете?
– Знаю, что любой человек найдет тысячу аргументов в пользу того, чтобы распять другого человека.

И две тысячи – в пользу того, чтобы не быть распятым самому...

...Ее мысли довольно замысловато побродили по лицу и вылились в вопрос, довольно неожиданный, если вдуматься.

А если не вдумываться – то вполне нормальный:
– Вы целомудренный человек?
– Наверное, – ответил я, – Только в моем возрасте это называется уже по-другому...

...Ее слова заставили меня задуматься.

Когда, не стерпев моего пьянства, все жены по очереди оставили меня, а я бросил пить – мне как-то удавалось обходиться подружками моих бывших жен.

Потом пришло время обратиться к совсем уже посторонним женщинам – самим бывшим женам.

А теперь я, случается, обращаюсь к кому попало.

Кто-то скажет, что это – верх целомудренности.

А кто-то, что целомудрие и я – жители с разных улиц...

...И, помолчав немного, я добавил:

– Злата, возможно, я просто не знаю: что это такое – целомудрие. – И тут же нарвался на ответ:

– А мне что-то и не хочется разбираться в том – знаю я или не знаю, что такое целомудрие. Вот так и выходило, что ее поколение могло то, что недоступно нам.

Например, задумываться о целомудренности, не тратя время на выяснение того, что это значит...

– ... А вы часто рисуете обнаженных женщин?

– Не часто, но рисую.

– Но ведь голая женщина – это зло, – девушка явно проверяла ремонтоспособность моего здравого смысла. – Так говорит религия.

Я оценил эту проверку; и мне не оставалось ничего, как улыбаясь смотреть ей в глаза: «Самое красивое на свете явление – обнаженную женщину – христианство назвало злом.

Уже за одно это – все мужчины должны стать атеистами», – И Злата явно поняла, о чем я думал. Во всяком случае, она укрепила свой аргумент:

– Так говорят все религии; а на них стоит человечество.

И я опять промолчал в ответ: «Один из нас – либо я, либо человечество – делает большую ошибку, утверждая, что обнаженная женщина это плохо.

И так как не может быть, чтобы так сильно ошибался я, то, скорее всего, ошибается человечество.

Я утверждаю, что обнаженная женщина – это прекрасно; и достаточно взглянуть на такую женщину всего один раз, чтобы понять, что право не человечество, а я».

Не знаю, каким образом Злата забралась в мои мысли, но она их явно прочитала:

– А вы не сексуальный маньяк? – Возможно, этот вопрос девушки мог быть простым уточнением диспозиции.

– Думаю, что – нет, – ответил я; и тогда у меня появилась возможность сравнить ее мысли с зайчиками, которые прыгают по солнечной лужайке в поисках то ли пищи, то ли развлечений.

И мне оставалось только моргать – смотреть на нее пунктиром.

Потому что на мои слова о том, что я не сексуальный маньяк, девушка выразилась неоднозначно:

– Жалко...

...Злата посмотрела на меня и тоже заморгала.

Тогда я еще не знал, что под ее ресницами прячутся чертики в таком огромном количестве, что можно организовывать ферму по их промышленному производству с последующей реализацией через розничную сеть по сходной цене.

Я узнал об этом потом.

Как раз перед тем, как узнать, что это совсем не черти, а ангелы...

...Так уже выходило в моей жизни не в первый раз – общаясь с женщинами, я зачастую путал ангелов с чертями.

И – наоборот...

– ... Скажите, а разве одетых женщин рисовать нельзя?

– Можно, Злата.

– Почему же вы их не хотите рисовать?

– Потому что одетая женщина – это женщина.

И – только.

– А раздетая?

– Это символ.

– А разве красиво одетая женщина не может быть символом? – спросила она.

– Символом – чего? – переспросил я.

– Ну, например – символом скромности, – девушка изобразила персональную скромность, опустив глазки; и я про себя улыбнулся в ответ на ее уловку:

– Наверное, может.

Просто я до сих пор не знаю – что символизирует одежда: скромность или – наоборот?

– Как – это? – девушка явно не на шутку заинтересовалась моими словами.

– Очень просто.

Разве, например, бриллиантовая брошь на платье женщины может символизировать скромность?

– Скажите, вы напишете с меня правдивую картину? Ну, такую, что все мои знакомые меня узнают?

– Нет.

Я буду фантазировать.

– То есть – соврете? – ожидая моего ответа, девушка приоткрыла ротик, так, что среди губок выглянул ее язычок.

– Нет. Не совру.

Во вранье нуждается ложь.

А правда всегда нуждается в фантазии.

– А разве людей нужно обманывать? – уточнила она вопросом, на который я не знал ответа.

И потому ответил так, как думал:

– Людям не нужно лгать.

Но правду нужно уметь придумывать.

Впрочем, самого главного о правде я девушке не сказал: «Существование правды – это самая большая человеческая выдумка на свете».

– Скажите, а позировать трудно? – Это был уже практический вопрос; и я поделился своим опытом:

– Со мной – нет.

Я не мучаю свои модели.

– А что нужно знать, чтобы быть моделью?

– Ничего особенного, – улыбнулся я, – Просто помнить, что левая грудь твоей модели – это ее правая грудь...

...Где-то в перерыве между словами и мыслями я протянул девушке свою визитную карточку, на которой записал адрес моей мастерской.

– Ладно.

Думаю, что я соглашусь.

Хотя, возможно, это ошибка.

– Злата, ты – умный человек.

– Почему?

– Потому что умный человек вначале обязательно думает.

И делает ошибки только после этого.

– Как вы думаете, умного человека встретить трудно? – Девушка задала этот вопрос таким тоном, что я не понял – спрашивает она серьезно или шутит.

И потому, на всякий случай, ответил ей серьезно:

– Да.

– Почему?

– Потому что умный человек – это персонаж вымышленный.

– Вот вы – умный; возможно, потому мне с вами интересно.

– Возможно, – вздохнул я. – Только помни, что ум – это довольно однообразная вещь. Разнообразной бывает только глупость.

– А я думала, что умный – каждый, кто умеет смотреть на себя со стороны. – После этих ее слов моя серьезность по отношению к ней выросла, как растет рыба, пойманная в прошлом году.

Хотя она и добавила:

– А глупым человеком быть плохо. – И я ответил:

– Зато – именно для человека естественно.

– Почему?

– Потому что глупость – свойство человеческое.

Я ни разу не слышал о том, чтобы кто-то посчитал глупым еще какое-нибудь животное.

Мы помолчали совсем недолго, и девушка вновь приватизировала инициативу:

– Вот мы – молодые, и нам простительно.

А что – старые люди не делают глупостей? – спросила она; и в ее голосе прозвучал поколенческий вызов.

И, хотя я не считаю себя таким уж старым, мне пришлось отдуваться за все поколение ее родителей:

– Делают.

Просто старые люди делают старые глупости, а молодые – новые.

Того, что если существует неправильные решения, то пытливый человеческий ум к ним непременно рано или поздно придет в любом возрасте – девушке я говорить не стал.

Видимо, я еще недостаточно стар, чтобы делиться с поколением моих потомков всем своим личным опытом...

...Один раз я разговаривал с кандидатом в депутаты от нелиберальной и недемократической партии. И он постоянно говорил то, что первым делом стремятся сказать глупые об умных и последним делом вынуждены говорить умные о глупых – объявлял тех, кто был с ним не согласен, дураками...

– ...А ваша жена мне секир-башка не сделает, если увидит меня голой? – И в ответ на этот вопрос девушки, я вздохнул:

– В настоящий, а также и текущий момент твоей секирбашковатеризацией заниматься некому.

Сейчас жены у меня нет.

И тогда Злата продемонстрировала мне, что своими вопросами она может быть ошарашивателем, потому что я мог ожидать от нее любого вопроса, кроме того, который она удивленно задала:

– Ни одной?!..

– ...Ладно. Во сколько мне приехать к вам? – спросила Злата тоном, не позволяющим сомневаться в том, что она хоть и приняла решение, но так и не уверилась в том, что это решение правильно.

Я всегда любил работать по утрам и встаю рано.

Потому я сказал:

– Чем раньше – тем лучше, – еще не догадываясь о том, что произношу довольно опрометчивые слова.

– Так, может, мне приехать с вечера?..

...Этот простой, заданный в шутку вопрос заставил меня задуматься совсем не шутейно: что бы мне пришлось делать, если бы эта девчонка вошла в мою судьбу и задержалась бы в ней не как гость, а как хозяин?

Дело в том, что это создание из поколения, расположившегося где-то посередине между моими детьми и внуками, за несколько минут поместилось в мою жизнь, причем совсем не длиннющими ногами, а тем, что важнее любых ног – своими взглядами на жизнь, которой я никогда не жил.

Тем, что мне захотелось жить не моей, а ее жизнью.

Ее представления о мире делали мой мир менее предсказуемым, а значит, более интересным.

Во всяком случае, стоящим того, чтобы им заинтересоваться.

Снова и снова.

А она как будто угадала мои мысли:

– Не переживайте, Петр Александрович.

Это все потому, что ноги у нас растут из головы...

– ...Ладно. Я приду завтра.

А вы сегодня ничего не делайте и постарайтесь хорошенько выспаться.

– Хорошо, – согласился я. – Ты сегодня тоже – ничего не делай и хорошенько выспись.

– Конечно.

Сон – это лучшее лекарство от безделья.

На сегодня нам наступило время прощаться, и мне пришлось говорить ей слова прощанья, минимизируя при этом лицо, чтобы не выдать свои чувства.

И, если бы на следующий день она не пришла, многое показалось бы мне безразличным.

Хотя бы на время.

А за огромными окнами зала каменели дома.

Церковь заговорила колокольным звоном.

И это был звон колоколов, а не продуктов Монетного двора.

Время вроде бы и двигалось, но делало это как-то нехотя, пешком. А девочка, стоявшая рядом со мной, была не материей, а движением – перемещением из одного пространства в другое.

И, уже уходя, она в очередной раз продемонстрировала это:

– Как по-вашему – дьявол есть? – И колокольный звон помог мне найти правильный ответ и на этот ее вопрос:

– А разве он нам нужен?..

...Черт – запасной игрок не в моей команде...

...Потом она исчезла и сделала это так же просто, как и появилась; а мне осталось одно – заняться тем, чем занимается все прогрессивное человечество – гадать о том, что может произойти дальше?..

...А наутро следующего дня наступило утро.

И первое, что я услышал, еще до того, как прозвонил будильник, был звонок моего мобильного.

Я никогда не обижаюсь на ранние звонки – если люди звонят, значит, я еще кому-то нужен – хотя иногда такие звонки вызывают мое удивление.

«Кто бы это мог быть?» – подумал я, разлепляя глаза в попытке рассмотреть высветившийся на мониторчике «Нокии» определитель номера.

– Петр Александрович, вы еще спите?

– Нет.

Уже не сплю.

– Это Злата, – проговорила трубка голосом моей вчерашней знакомой.

– Отлично, девочка.

Когда ты появишься у меня? – Задавая этот вопрос, я внутренне был готов к любому ее ответу.

И, конечно, к тому, что она окажется занятой сегодня, извиняется и прийти не сможет. Лишь к тому, каким именно окажется ее ответ, я был не готов.

Вообще, в этой жизни я довольно часто оказывался не готовым к тому, что происходило что-то из того, что я ожидал.

Оправдывало меня только то, что к тому, чего я не ждал, я не был готов почти никогда.

И это роднит меня со всем остальным человечеством.

– Отлично, девочка.

Когда ты появишься у меня?

– Когда вы откроете свою дверь.

– В каком смысле? – Спросонья я соображаю слабо.

Как и во все остальное время.

– В самом прямом – я у вас под дверью.

– Понятно.

Я сообразил – где ты.

Теперь дай мне одно мгновение на то, чтобы окончательно проснуться и сообразить – где у меня дверь...

...В этот момент я понял, что, надеясь на приход девушки, я ее, по полному счету, не ждал, и в моей мастерской был банальный бардак.

Впрочем, при сравнении с бардаком в голове среднестатистического россиянина – ситуация в моей мастерской вполне могла бы сойти и за некий порядок...

– ... А ведь вы не верили в то, что я сдержу свое слово и приду? – Злата вошла в мою мастерскую и с порога задала очень простой вопрос, на который мне оказалось трудно ответить.

Настолько трудно, что я не нашел ничего лучше, чем просто сказать правду:

– Я просто ждал тебя.

Но приходите тебе или нет, могла решить только ты.

– Почему вы меня ждали? – девушка улыбалась, слегка кокетничая, как ребенок перед взрослым, хотя это кокетство не могло скрыть того, что ответ на этот вопрос ее интересует вполне серьезно.

И я опять ответил ей правду.

Выход самый простой и надежный – говорящего правду иногда можно обвинить в глупости, но никогда нельзя обвинить во лжи:

- Потому что мне с тобой интересно.
- Ну, тогда – здравствуйте, Петр Александрович.
- Здравствуй.

– Ну что же, если вы меня действительно ждали, то, возможно, маленькая девочка сегодня не зря осталась без завтрака.

Может, сегодняшний день будет стоить того, – перемешав мысль с улыбкой, проговорила Злата, и я в ответ улыбнулся ей:

- Вряд ли.
- Почему? – девушка посмотрела на меня удивленно.
- Кажется, сегодня мне удалось в первый раз озадачить ее.
- Потому что ничего не стоит тот художник, который не может накормить завтраком свою модель.

В руках у девушки была только маленькая сумочка-косметичка; и, заметив мой взгляд, мельком брошенный на эту сумочку, девушка улыбнулась:

- Здесь обложка, – а потом прибавила:
- Ведь все остальное мне будет не нужно.

Злата прошла в комнату, осмотрелась, не как гостя, а как будущая соучастница, потрогала багетную лепнину связки рам, стоявших в углу, обошла стороной мольберт, посматривая на него как на нечто чудное, скажем, как на ионный ускоритель.

И тут мне стало неловко за расхристанную постель, с которой я только что поднялся.

- Подожди, друг мой. Сейчас я наведу порядок и будем завтракать.

Я принялся собирать постель, но девушка вдруг – хотя к ее «вдруг» мне давно уже пора было привыкнуть – задала мне очередной вопрос:

- Что это? – проговорила она, указывая на место моего сна.

– Кровать. – Я почувствовал, что нарываюсь на очередной подвох, но в чем он заключается, еще не знал.

- Жаль, что не окоп, – вздохнула Злата.
- Почему?
- А если у меня залечь охота появится?

После этих ее слов, убедивших меня в том, что девушку за ночь не подменили, я отправился на кухню готовить завтрак, а она осталась в комнате, как мне показалось, разглядывать картины, висевшие на стенах.

Я пожарил яичницу с ветчиной, грибами и болгарским перцем, прогрел в печке горячие бутерброды и сварил кофе.

На это ушло минут пять, не больше, но этих пяти минут Злате хватило для того, чтобы приготовить мне новое удивление.

Когда я вернулся в комнату, оказалось, что она смотрит не картины, а фотографию, оставленную мной случайно на книжной полке.

На фотографии была одна моя ближняя знакомая, сидевшая в позе лотоса на кровати, и Злата, слегка растягивая слова, проговорила:

- К вам ходит такая красивая девушка?
- Это моя дочка, – довольно бодро соврал я, сам не зная, зачем я это делаю.

И, в душе, оправдывая свою ложь тем, что все остальные мои современники тоже, как правило, не знают – зачем они говорят неправду.

Правда, в отличие от остальных я по крайней мере задумываюсь над этим.

– Дочка? – с сомнением переспросила Злата, глядя на позу, в которой сидела девушка на фотографии.

– Приемная. – Вот есть такие действия, скажем, мытье полов, которые лучше не начинать, но если уж начал – надо доводить до конца.

И вранье, в отличие от правды – явно относится к таким действиям.

– Ладно, – хихикнула Злата. – Давайте!

– Что – давать?

– Делайте и из меня приемную дочку.

– И имейте в виду, я – не ревнивая, – Злата продолжала делать интервалы между фразами не больше секунды. – Да и почему нужно быть ревнивой?

Я этого не понимаю.

Я вообще не понимаю, что такое ревность.

Девушка так незатейливо продемонстрировала свое априорно-женское право на ревность, что ничем кроме зрелости, довольно, кстати сказать, занудливой, как и всякая зрелость, я ответить ей не мог:

– Прочти «Крейцерову сонату» Льва Николаевича Толстого.

– А я не люблю Толстого.

Ну, не люблю и все.

– Тогда прочти «Вешние воды» Тургенева, – сказал я, и Злата в ответ вздохнула:

– Это столько же всего нужно прочесть, для того, чтобы, всего-то навсего понять – что такое ревность?..

...Постепенно я привыкал к тому, что она вводила меня в свой мир, как ракету в космическое пространство, – постоянно бросало то в жар, то – в пустоту...

...Аппетит для такой худышки у нее оказался вполне взрослым; и это была еще одна маленькая неожиданность дня, который с неожиданностей и начался.

Но, даже орудуя вилкой, Злата не умолкала:

– Так, значит, вы меня все-таки рисовать станете?

– Конечно.

Что тебя удивляет?

– Ничего.

Я-то думала, что вы меня просто откроватить хотите.

– А что, по-твоему, значит – откроватить? – я решил перехватить инициативу.

И это перехват для меня заключался в том, что мне пришлось изображать человека, сумевшего принять не только слова, используемые ей, но и ее представления о жизни.

Но моих сил и моего жизненного опыта хватило только на одну ее фразу:

– Ну, это – замуж; только без штампа в паспорте.

Не знаю, до чего довел бы наш разговор, но на этот момент дальнейшие рассуждения девушки о замужестве нам пришлось приостановить, потому, что Злата отставила пустую чашку из-под кофе и констатировала наличие решительности:

– Я готова.

Что нужно делать? – И я не нашел ответа на ее вопрос.

Вот так, доживешь до седых волос, а так и не научишься говорить молодой женщине, знакомой меньше суток, что ей нужно раздеться.

Но, главное, я не знал, какими словами сказать молоденькой девушке о том, что модель раздевается не для мужчины, а для эпохи.

Вместо всего этого я просто сказал:

– Если тебе будет холодно, скажи. Я включу обогреватель. – И в ответ она внимательно посмотрела в мои глаза:

– Яснее не скажешь. – В этих словах Златы не было ничего от кротости: «Придется покориться», – но было очень много от призыва: «Вперед! В атаку!..»

...Я, конечно, ощущал деликатность ситуации и отвернулся, занявшись установкой холста на мольберте.

Это действие заняло у меня не больше минуты-двух, но, когда холст был установлен, я услышал голос Златы:

– Можете смотреть.

Я одета голой...

...Я посмотрел на нее.

Передо мной стояла обнаженная девушка, и ее кожа казалась такой тонкой, что сквозь нее была видна душа.

И душа эта была откровенной настолько, что я молчал.

А Злата, опустив глазки, сведя руки за спиной, едва заметно поводила плечами, ничего не пряча, словно говоря: «Вот... Это все, что у меня есть».

Удивительная вещь – эта девушка оказалась одновременно и тем, что я ждал, чем-то совсем иным.

Я собирался писать картину под названием «Замкнутое пространство», картину, в которой человека и мысли должно было быть поровну.

А передо мной стояла женщина, в которой было поровну человека и чувства.

И одного этого хватало на то, чтобы изменить свои планы.

Планы, вообще, необходимая творческому человеку вещь.

Только имеющий планы пусть не всегда узнает, что делал, но что он не сделал – может выяснить совершенно точно...

...В этой то ли девочке, то ли женщине было все, что могло помочь художнику, для того, чтобы писать картину.

Дело в том, что у каждой модели есть какие-нибудь именно модельные недостатки: то – недостаточно выделенная талия, то – не слишком ярко подчеркнутая линия бедер. И прочая, прочая, прочая.

И профессиональный художник кистью устраняет эти недостатки, которые и недостатками, собственно говоря, не являются.

Просто, работая над картиной, художник создает нужный ему образ, то есть становится автором.

Творцом.

А в девочке, оставившей передо мной одежду, демонстрировавшей себя мне, необходимым для создания образа было все: ее талия была чуть, на четверть дюйма, тоньше, чем канон, попа на сантиметр больше, чем идеальный стандарт, грудь – на каплю объемней, чем остальные пропорции.

Каждый регион ее анатомии был прекрасен.

А эти дюймы, сантиметры и капли складывались в идеал модели.

В удачу художника.
Но эта удача меняла мой замысел.

При этом девочке удавалось приоткрывать тайны своего тела как-то неуловимо, необыденно.

– ...Что-то не так? – удивленно, совсем по-детски, словно стесняясь своего вопроса, спросила Злата, видя мое молчание; а я, продолжая молчать, снял с мольберта холст пятьдесят на шестьдесят и поставил холст шестьдесят на восемьдесят.

– Что-то не так? – переспросила она. И в ответ на ее слова я просто смотрел на нее.

– Я оказалась не такой, как вы ожидали? – И ее голос не смог скрыть того, что она боялась моего разочарования.

В этот момент я обратил внимание на то, что, говоря современным языком, она никогда не переходила на жаргон.

И мне это нравилось – жаргон не подошел бы ее телу.

– Ты оказалась большей, чем я ожидал...

– ...Только теперь я должен немного подумать.

Сейчас я налью тебе чаю.

– Вы не волнуйтесь, я подожду. – В ее словах интрига соседствовала с удивлением без всякого противоречия.

– Если хочешь, накинь мою рубашку, – проговорил я, и по ее глазам понял, что попал ей в резонанс; и Злата вновь стала той Златой, к которой я постепенно привыкал:

– Чего это вдруг?..

...Она голой прогуливалась по моей мастерской, время от времени вертясь кругом на носочках, кокетничая своей грудью, колыхавшейся в такт ее подвижкам, а я смотрел на ее маневренное тело и думал о своем.

Том своим, что должно было стать общечеловеческим.

– Петр Александрович, а вы рассказывайте мне – о чем вы думаете, – проговорила Злата, смело беря на себя роль соучастника:

– Будем думать вместе.

– Понимаешь, девочка, когда-то, очень давно, я задумал серию картин.

Потом время проходило, а я все как-то и не брался за эти картины; и постепенно свыкся с тем, что так и не напишу их.

А вот теперь, увидев тебя...

– Увидев меня, вы решили их написать? – Ее мысли явно обгоняли мои слова.

А может быть, просто ее слова обгоняли мои мысли:

– Увидев меня, вы поняли, что написать эти картины должны? – уточнила она; и я в ответ уточнил еще больше:

– Увидев тебя, я понял, что написать эти картины смогу...

...После этих моих слов произошло то, что во взаимоотношениях со Златой случалось довольно редко – она замолчала.

А потом, через несколько минут, присев передо мной на корточки, подперев подбородок кулачком, девушка тихо попросила:

– Расскажите мне об этих картинах. – И я так же тихо ответил ей:

– Давай я лучше расскажу тебе о себе.

– Именно об этом я вас и попросила...

... Вот так и получилось, что я, художник, картины которого находятся в музеях и частных коллекциях в половине стран земного шара, человек, за которым два высших образования и жизненный опыт, копившийся до седины, исповедовался перед голенькой девочкой, присевшей на корточки у моих ног, смотревшей на меня снизу вверх.

И моя проблема была не в том, что я не мог солгать ее глазам, а в том, что я сам не мог найти слова, бывшими правдой для нас обоих.

А значит, в правде не был уверен я сам...

– ... Понимаешь, Злата, мир, окружающий нас, создавался без нашего участия. И нам, художникам, предоставлен выбор: принять это мир таким, как есть, или постараться его изменить.

Многие мои коллеги, на природе и по фотографиям, зачастую мастерски пишут тот мир, который есть.

Я пишу мир таким, каким он только может стать.

– А каким он должен стать? – Девочка так просто поинтересовалась вопросом, над которым веками безуспешно бились первейшие умы человечества, что мне оставалось или вздохнуть, или рассмеяться.

Я выбрал третье – замер молча.

А она уточнила возможную перспективу мира:

– Лучше? – Девочка смотрела на меня с таким любопытством, что не заметила того, как ее язычок, выбравшись из гнездышка губ, завертелся воробушком.

– Лучше? – переспросил я. – Пожалуй.

Только художник делает мир лучше тем, что делает его наглядней.

А значит, яснее.

– Это что же? Художник с Богом конкурирует, что ли?

Я не стал объяснять девочке, что все творцы – конкуренты.

И о Боге в этот раз ничего не сказал.

Хочешь понять, какой человек дурак – дай ему поговорить о Боге.

Таким образом, мы оба продемонстрировали свое отношение к христианской этике, не только не применяя ее, но даже не вспоминая о ее существовании.

Впрочем, конкуренция творцов – это не главное в понимании творчества.

Главное – понимание того, что каждый творец всегда больше того, что уже есть на свете.

Я попытался объяснить ей все проще:

– Художник вносит свою лепту в эволюцию.

– А что вносило свою лепту в эволюцию, когда художников еще не было? – В глазах Златы поискрилась хитринка; и мне в ответ пришлось пожать плечами:

– Ледниковые периоды...

– ... И в работе каждого творца очень важным элементом является замысел.

Когда я увидел тебя, мне показалось, что ты сможешь стать моделью для одной картины, но, когда ты разделась, я понял, что должен писать с тебя совсем другую картину.

Ты оказалась прообразом не того мира, который видел в тот момент я, а того мира, которым являешься ты.

– Ну и что это за мир?

– Понимаешь, когда-то, очень давно, так давно, что, возможно, уже и не правда, я сказал одному своему товарищу: «Любовь – это страсть, верность, нежность и совесть, идущие вместе».

Потом подумал, что смог бы написать картины на эту тему, но как-то все не складывалось, до тех пор, пока я не встретил тебя.

И теперь мне нужно подумать.

– А что вы хотите написать с меня?

– Страсть.

– Классно.

Как у Онегина с Татьяной, – улыбнулась Злата, и я улыбнулся в ответ девочке, вспоминая классика:

– Как у Ленского с Ольгой.

– А Ленский – это... кажется... – Злата явно пустила свою память в разнос, а я слегка удивился:

– Ты не помнишь, кто такой Ленский?

– Ленский? А на фиг мне помнить всех этих революционеров?..

...Вот так...

...После этих слов обнаженной красавицы, ясными глазищами смотревшей в мои глаза, у меня отвисла челюсть.

Хорошо, что ненадолго.

И моего хождения в удивление девочка, кажется, не заметила.

В одной комнате, друг напротив друга, находили себе место два продукта эволюции человека, говорившие на одном языке, смотревшие на часы, показывавшие одинаковое время, но являвшиеся разными формами жизни.

Да и эпохи у нас оказывались разными.

Тот мир, в котором жил я, уходил в прошлое, независимо от моих желаний и устремлений.

И единственное, что я мог противопоставить приходящему миру – это понимание того, что представлял поколение, которое не только никем не стало, но даже и не решило, кем оно хотело бы стать.

Строителей коммунизма из нас, слава богу, не получилось.

Но и нестроителей, впрочем, – тоже.

Объявив свое образование лучшим, мы так и не определились с тем – зачем его получаем.

А новый мир образовывался независимо от образования.

И демонстрировал свои критерии понимания истин: думай, как хочешь – делай, как надо...

...Пока я раздумывал об этом, Злата выпрямилась, встала передо мной и, поставив ножки чуть шире плеч, стала раскачиваться из стороны в сторону, перенося вес с одной ноги на другую, умудряясь при этом подниматься на носочки.

– Ну что? – прошептала она. – Глупая я?

– Нет, друг мой. Это слово здесь не подходит, – я отвечал ей так же тихо.

– Глупая! Глупая!..

А вы, умники? Начитались книжек, наслушались чужих слов и решили, что все понимаете. – Это уже было похоже если не на революцию, то – на бунт.

По крайней мере – коммунального масштаба.

– Злата, мы понимаем далеко не все, но знания никогда не мешали пониманию.

– Какие знания?

Вот вам вдолбили в голову, что с молодой девушкой спать нельзя, вы и повторяете.

И еще и называете это православным воспитанием. – Констатация параметров ситуации завершилась вопросом:

– А почему же, если нельзя до восемнадцати, девочка созревает в двенадцать?

Как это Бог такую промашку допустил?

– Ну... – понимая, что говорю ерунду, я сопротивлялся довольно вяло, просто не желая сдаваться без арьергардного сражения. – Наверное, Бог посылает нам испытания.

– Так, по-вашему, Бог – это какой-то провокатор?

Вы и Бога себе придумали по своему пониманию.

Мне нечего было сказать, потому что, на мой взгляд, в наше время бессмысленно называть сексуальные отношения грехом, как это продолжает делать отставшая от жизни церковь. И пора уйти от мысли – не ложись в постель.

Эту мысль, наши дети давно уже заменили на идею – ложись в постель с достойным себя. Впрочем, этой подмены не заметила не только церковь, но и все наше поколение.

Я ничего не ответил на последние слова Златы; и она воспользовалась моим молчанием: – Так.

О чем бы мне вас еще спросить?

– Спрашивай о чем хочешь, – сказал я; мне было искренне интересно, но я на всякий случай задал параметры будущих вопросов Златы:

– Только никогда не спрашивай о том, что тебя не интересует.

– А если мой вопрос будет вам интересен, вы запомните его?

– Я запомню твой вопрос, если мне будет интересен мой ответ.

– Почему?

– Потому что в вопросе самое интересное не вопрос, а ответ.

– Вы в Бога верите? – спросила Злата. И я понял контрольность ее слов.

Такое нам с девочкой обоим досталось время – о чем бы мы ни говорили, рано или поздно заговариваем о том, о чем мы не имеем ни малейшего понятия.

– Вы в Бога верите? – повторила свой вопрос она.

В отклик я промолчал, не зная, как ответить на ее вопрос самым понятным и ей, и мне образом; и Злата доспросила:

– Почему вы молчите?..

...Я знал, почему я молчу.

Я – атеист; но, проходя мимо церкви, крещусь.

Зачастую единственным на улице.

И то, что я не верю в существование Бога на небе, креститься, глядя на купола, мне не мешает.

Не мешает же мне стремиться делать своими картинами и этот мир, и свою страну лучше, несмотря на то, что, по крайней мере в пределах своей страны, я не верю, что это можно сделать.

Однажды мы разговорились с моим другом, художником Андреем Кавериним, о том, что теперь все вдруг стали говорить, что верят в Бога, и он уточнил Писание для наших современников:

– Скажи мне, когда твой сегодняшний Бог стал твоим сегодняшним Богом, и я скажу – кто ты?..

– ... Почему вы молчите? – повторила свой вопрос Злата.

Выбора у меня не было; и я сказал этой девушке правду:

– Я молчу потому, что ты – девушка, перед которой мне не хочется лицемерить.

И тогда Злата вздохнула:

– Что ж... Вы плывете правильным курсом. – И хотя я не понял – к чему относились ее слова: к Богу или к нежеланию лицемерить – ее похвала была мне приятна.

Правда, удовольствоваться мне пришлось не долго – девушка вновь обвопросила меня:

– А что такое, по-вашему, Бог? – И мне пришлось перехватывать инициативу – способ не всегда честный, но дающий возможность осмотреться и подумать:

– А – по-твоему?

– Бог – это такая штука, которой почему-то нет там, где говорят, что она есть, – вздохнула девушка; и я подкорректировал ее предположение, потому что знал, что люди прячутся за Бога только тогда, когда у них нет никаких аргументов:

– Зато он иногда встречается там, где его не ждешь.

Только в этих местах он называется по-другому.

– И как же он называется? – маскируя свое удивление, спросила Злата; и я ответил, зная, что Бог, о котором я говорю, имеет много имен:

– Совесть.

– Вы, конечно, скажете, что вы православный по воспитанию? – В ее вопросе не было улыбки, и в ответ на этот вопрос я так же серьезно промолчал.

Наверное, потому, что роль православного в постсоветской стране мне удавалась еще хуже, чем роль строителя коммунизма в стране советской. Может, оттого, что роли в театрах абсурда – вообще не для меня.

А что такое «православный по воспитанию» я вообще не знаю.

Как не знаю, что такое «православный по невоспитанности».

Вообще-то, говоря о Боге, я, как и все остальные мои соплеменники, плохо представлял себе – о чем говорю. И если я невольно несколько раз кивнул в сторону Аллаха или присел возле Будды, то, надеюсь, современники меня простят, хотя бы потому, что не заметят этого.

– Я думала, что вы – христианин? – проговорила девушка; и по ее выражению лица я понял, что она совсем не думала так.

– Нет, – ответил я.

– Почему? – В ее вопросе предполагалось множество ответов, но, вспомнив пыточные камеры инквизиции, которых в Европе я видел больше, чем храмов, потому что их было построено больше во много раз, я выбрал единственный ответ:

– Потому что христианство не делает людей христианами.

– Так вы вообще – против религии? – спросила Злата; и мне показалось, что она вновь проверяет меня.

– Я не против религии и религий.

Просто я понимаю, что в мировой истории религии были главной причиной и оправданием войн.

А в двадцать первом веке, когда мир не завоевывают, а покупают, религии могут стать единственной причиной третьей, последней, мировой войны.

В двадцать первом веке религии – главная опасность для существования человечества.

С другой стороны, уже то, что я заговорил с девушкой о религии, означало то, что я отношусь к религии с уважением. Если бы относился без уважения, плюнул бы и заговорил о чем-нибудь другом.

При этом я с уважением отношусь и к подвигам Геракла. Но это не значит, что я верю в то, что эти подвиги когда-нибудь свершались.

– Так вы – против Бога? – ожидая моего ответа, девушка в очередной раз приоткрыла ротик. И я в очередной раз грустно улыбнулся:

– Я не против Бога.

Я против тех, кто врет, – я сделал ударение на слове «врет», – что он за.

– А – если, говоря о вере, человек не врет, а действительно думает так?

– Я не против тех, кто говорит правду.

Даже если эта правда основана на лжи.

– Но есть же церковные догмы.

– Злата, догма – это то, что не успевает за временем.

– А что может быть критерием и опорой правды и лжи? – Девочка только думала, что задала мне сложный вопрос – в моем возрасте каждый, кто хоть раз задавался этим вопросом, давно нашел ответ на него:

– У правды – один критерий: искренность.

У лжи – одна опора – лицемерие.

Я понимал, что моя теория и Бога, и истины была глупой.

Потому что ее нигде было применять.

Как и очень многие разумные теории.

– Так вы – атеист? – спросила она; и в ее голосе мне послышалась надежда мое здравомыслие.

– Понимаешь, девочка, – ответил я, подбирая каждое слово, – верующие уверены в том, что Бог есть. А атеисты – это люди, сожалеющие о том, что нами не руководит добрая, разумная, мудрая структура.

И если однажды Бог явился бы к людям, верующие упали бы на колени, а атеисты – зааплодировали бы его явлению.

Не знаю, что обрадовало бы Бога больше?

Может быть, атеисты – это просто христиане двадцать первого века.

– Понятно.

Вы уверены в том, что, как сказал Дарвин, – человек произошел от обезьяны? – Злата произнесла эти слова, явно сомневаясь в том, что я смогу ответить что-то разумное.

И в ответ я даже не сказал о том, что этого Дарвин никогда не говорил.

Просто поправил:

– Дарвин считал, что, для того, чтобы быть адекватным, живой организм видоизменяется под воздействием окружающей среды.

– Дарвинизм... – хотела что-нибудь возразить Злата, но не нашла – что.

– Дарвинизм – это грамотный взгляд на жизнь.

– Почему это?

– Потому что в него вписывается все.

– Что, например?

– Например – учеба в университете.

– Это – как?

– Через учебу в университете человек становится миру адекватней. – Я мог бы говорить и дальше, но девушка заставила меня замолчать тем, что задала вопрос, на который у меня не было ответа:

– А православная церковь?..

...Во время нашего, в общем-то, бессмысленного разговора я, как парусник в тумане, иногда нарывался на рифы разума этой девочки.

Так, не зная на что рассчитывая, я спросил ее:

– В какой стране ты хотела бы жить: в стране монастырей или в стране университетов?

И наткнулся на ответ, которого я не ожидал не то что от девчонки, но и от себя самого:

– В стране детских садов.

Но потом все быстренько возвратилось на привычный блуждающий курс:

– В общем, я верю во всемирный разум, – соврала Злата, явно утомленная непрерывной правдой.

И я ответил ей молчащей улыбкой – не знаю, есть ли разум всемирный, а вот районного разума я как-то не встречал.

Может быть, потому, что всемирный разум – очень большой глупец и не понимает, что настоящий разум проявляется не во Вселенной, а во дворе.

А может, потому, что всемирный разум так умен, что решил махнуть рукой на людей, предоставив нам возможность самим решать людские проблемы.

Выходя во двор, я каждый раз вижу – был дворник или нет. А вот был ли во дворе высший разум, я как-то не обнаруживаю.

Впрочем, может, просто деятельность высшего разума – это что-то менее приметное, чем работа дворника?

– Во всяком случае, следов деятельности всемирного разума на земном шаре как-то не обнаруживается, – сказал я после некоторого молчания.

– А люди? Кто их создал?

– Люди – так далеки от совершенства, что могли быть созданы только эволюцией...

– ... Вы верите в человеческий разум? – спросила Злата; и мне в очередной раз пришлось соврать ей – я ответил девочке таким тоном, словно с этим самым человеческим разумом я когда-нибудь сталкивался:

– Да...

...Нормальному человеку должно хватать ума хоть на что-нибудь.

Например, на то, чтобы говорить глупости; и я продемонстрировал свою нормальность в полном объеме.

При этом я отдавал себе отчет в том, что мне, скорее всего, придется демонстрировать не ум – то, что встречается в фантастических рассказах, а глупость – то, с чем мы сталкиваемся ежедневно.

Я решил поиграть с девочкой в игру, в которой я попеременно – то защищал всемирный разум, то – нападал на него.

И не ошибся – девчоночный дух противоречия заставил ее включиться в эту игру.

Причем первой:

– Так вы не верите в то, что высший разум существует? – уточнила она.

– Нет, – ответил я, но отыгрался:

– Впрочем, я не верю даже в то, что существует высший маразм.

После это пришла моя очередь порассуждать:

– Девочка, Божий разум не неприкасаемый заповедник.

Он должен эксплуатироваться в хозяйственных целях, – сказал я, сам не понимая – зачем.

И получил в ответ то, что должно было быть сказано не девушкой, а мной самим:

– Нечего, Петр Александрович, валить на Бога наш собственный идиотизм.

Мы не менялись мыслями.

Просто наши мысли игрались в салочки.

Она постоянно что-то отчебучивала, вынуждая в ответ становиться отчебучивателем меня:

– Впрочем – у каждого свой бог, – добавил я, тут же продемонстрировав, что если мой разум может отправиться в самоволку, то моя глупость – всегда на посту.

– Это что же – богов столько же, сколько и людей? – усмехнулась Злата в ответ.

И я не успел ответить ей, что богов всегда больше, чем людей – на каждого человека богов приходится по несколько.

Каждый раз каждый бог зависит от цели человека...

...Как-то я спросил своего друга художника Андрея Каверина:

– Я до сих пор не пойму: для чего Бог насоздавал столько богов? – И Андрей ответил мне вопросом на вопрос:

– А для чего Бог насоздавал столько людей – ты понимаешь?..

...Злата тут же перехватила инициативу утверждений:

– Бог говорит, что нужно любить всех людей, независимо от того – хорошие они или плохие. – Я увидел, как ее мысли работают локтями между моих слов, и слегка, не больше чем на чайную ложку, улыбнулся:

– Может, давая такой завет, Бог хотел проверить то, какими глупцами могут стать потомки Адама и Евы?

А может, Бог просто пошутил, а мы не поняли юмора?

После этого наступила моя очередь говорить ерунду:

– Люди могут успокоить свою совесть, обратившись за прощением к Богу, – проговорил я; и девушка прищурила глазки:

– Христос для честных, а не для всех подряд.

Если люди обращаются за прощением к Богу, значит – сами себе они все уже простили?

Вообще-то, если Бог займется таким бесконечным делом, как прощение людям того, что люди считают своими грехами, а иногда и того, что люди называют своими добродетелями, безработица Богу не грозит.

Так что тут уж мне ничего не оставалось, как согласиться с ее доводами:

– Люди – разные.

Одни думают, что Бога нужно бояться; другие – понимают, что Его нужно любить.

– Бог объединяет людей, – высказала Злата не свою мысль; и мне ничего не оставалось, как не согласиться:

– Почему же тогда религии – разъединяют?

– Петр Александрович, а вы сами-то в церковь молиться не про себя, а вслух ходите? – спросила Злата, состроив личико девочки-стервочки.

– Бог не глухой, – ответил я. – Если человеку необходимо молиться вслух, значит, он молится не Богу, а себе.

– А вы хоть одну молитву наизусть знаете? – не уgomонилась она одним вопросом о молитвах; и мне пришлось напрячься не понарошку:

– Я считаю, что к Богу нужно обращаться творчески – своими словами.

В заученных молитвах нет творчества.

– А дети? Откуда они, по-вашему, берутся? – Злата продемонстрировала, что умеет переключаться не хуже штепселя.

– Не знаю, откуда берутся дети, – соврал я.

Соврал потому, что не знал всего лишь того, откуда берутся взрослые.

И без всякой паузы – помощницы нормализации мыслей, я зачем-то прибавил:

– Но детей дает Бог. – Если бы я знал, на какой ответ нарвусь, не знаю, сказал бы я то, что сказал.

Злата состроила такую мордочку, что ее можно было демонстрировать на ярмарке:

– Да?

Так значит, по-вашему, алименты нужно брать не с вас, мужиков, а с РПЦ?

– Впрочем, – прибавила Злата тут же, – про первородный грех я что-то слышала.

Церковная бредятина насчет того, что я появился на свет только потому, что мои родители согрешили, издавна вызывала у меня неприятие; а здравый смысл и знакомство, пусть даже шапочное, с дарвинизмом, фрейдизмом и генетикой только укрепляли мой персональный атеизм.

Хотя и вызывало неподдельное удивление в отсутствии атеизма коллективного.

Но я не мог предъявлять такие же требования к коллективному слабоумию, которые я предъявлял к своему собственному здравому смыслу.

Секс может назвать грехом только тот, кто ни разу им не занимался.

И выбор между мнимым грехом и истинным удовольствием любой разумный человек делает в пользу второго...

...Однажды я сказал своей приятельнице, журналистке Анастасии, с которой мы поехали в подмосковный дом отдыха:

– Нас двое.

Мы – как Адам и Ева в раю. – И Анастасия усмехнулась:

– Знаю я вас – мужиков, – И когда увидела, что я не понял ее комментарий, пояснила:

– Вы ведь думаете, что, если бы у Адама было бы побольше лишних ребер – в раю действительно наступил бы рай.

– Хотя... – собрался вяло возразить я. Но Анастасия избавила меня от возможности сказать глупость:

– Петька, ты никогда не задумывался о том, что эволюция сделала этот процесс, процесс размножения, таким приятным потому, что он нужен эволюции. – И мне удалось промолчать.

Не говорить же мне было очевидное; то, что, видимо, эволюция – христианства не предполагала...

...Понимая никчемность слов, я не стал испытывать девочку на здравомыслие и сразу перешел к кчемности – к праотцам и праматерям.

И я встал на защиту прародителей:

– Если бы Адам и Ева не согрешили, людей на земле не было бы.

А потом не дал девочке перехватить инициативу, начав проповедовать старое:

– Злата, Бог дает людям возможность выбирать между хорошим и плохим, – сказал я ерунду – такое впечатление, что, кроме Бога, некому предоставить нам такой выбор.

Моя соседка-барменша предоставляет мне этот выбор каждый раз, когда ей заняться нечем.

Впрочем, это уже выбор не между хорошим и плохим, а между хорошим и очень хорошим.

– Что? – переспросила Злата, видя, что я задумался.

– Бог предоставляет людям выбор между тем, что хорошо и плохо.

– А зачем Бог создал «плохо»? – ответила девочка, глядя мне в глаза.

И я, впервые в жизни, задумался над тем, что составляло смысл этого ее вопроса.

Когда мне говорят, что Библия – единственная книга, из которой люди могут узнать о том, что хорошо, а что плохо, я вспоминаю свой собственный опыт постижения этих понятий.

О том, что хорошо, а что плохо, я узнавал из книг о Буратино, Чи-поллино, Незнайке.

Потом из рассказов Гайдара.

Потом из рассказов Джека Лондона.

А потом пришло время книг Ремарка, Хемингуэя.

К своим мыслям я тихо прибавил:

– Человек должен быть во что-то верящим. – И Злата тихо прибавила тоже:

– Вера – довольно банальная вещь.

Человек должен быть не банальным...

... Я не знал, что ответить, но был уверен в том, что такая гипотеза вряд ли понравилась бы нашим попам; и, видя мое молчание, Злата спросила уже серьезно:

– Вы не верите православной церкви?

– Я не верю церкви, которая является не православной, а государственной.

– Ладно, контрольный вопрос! – девушка изображала серьезность, но по ее лицу было видно, что удается ей это с трудом.

Она не спорила со мной, а пыталась обойти с фланга:

– Вы верите в то, что в этом году наступит конец света?

И я не стал изображать серьезность в ответ:

– Я даже не верю в то, что начало света уже наступило.

– Ну, а вопрос еще контрольной.

Только имейте в виду – вопрос будет сложным, – девушка напряглась; и я сделал то же самое.

– Вот если бы вы встретились с Богом, о чем бы вы его попросили? – И только после того, как она произнесла слова, расслабился.

Девушка задала вопрос, к той или иной форме ответа на который должен быть готов каждый.

Готов был и я:

– Я бы попросил Его: Господи, дай мне мудрости отличать то, что есть, от того – как должно быть...

... За словами, очень быстро, мне стало неловко за то, что я так беззастенчиво эксплуатирую неокрепшие мозги девушки; и я замолчал, улыбнувшись своей затее на прощанье.

Видя мое улыбающееся молчание, Злата проговорила:

– Вы, наверное, не понимаете меня и осуждаете?

– Не понимаю, но не осуждаю, – ответил я, насколько это было возможно, серьезно:

– Дураки считают непонятное плохим.

Остальные считают непонятное – интересным.

«Человек проще знаний, но сложнее веры», – мог бы сказать я, но ничего не сказал, потому что пришла моя очередь задавать вопросы:

– А ты сама веришь в Бога? – И, услышав мой вопрос, она воспользовалась своей очередью улыбаться:

– В каком случае вы сочтете меня большей дурочкой – если я скажу: «Верю», или если я скажу: «Нет»?

– Знаете, Петр Александрович, правильно я говорю или не правильно – но это мое мнение. – После этих ее слов мне не оставалось ничего, кроме как дать поручение Всевышнему, рассчитанное на Его гуманизм:

– Суди тебя Бог.

И, пораздумывая о чем-то, Злата сказала:

– Ясно.

Люди делятся на тех, кто верит в Бога, и на тех, кто не верит.

– Да, – соврал я в ответ, потому что прекрасно знал, что люди делятся на тех, с кем ты хотел бы жить в одном подъезде, и на тех, с кем – нет...

... Девушка замолчала.

И это было нелицемерное молчание.

Эта девочка, даже ничего не говоря, умела говорить правду так, словно на свете ничего, кроме правды, не существовало.

Наше время разделило людей.

На тех, кто уверил себя в том, что на свете нет ничего, кроме лжи, и на тех, кто понял, что на свете ничего не может быть, кроме правды.

Их поколение могло сделать только одну ошибку – начать разговаривать со всеми людьми подряд как с умными.

Впрочем, это даже не ошибка.

Это просто отсутствие опыта...

...Потом, через много дней, когда картина была уже давно написана, я, не помню, по какому поводу, вспомнил наш разговор со Златой о Боге и рассказал об этом Грише Керчину; и он поиронизировал:

– Ты бы еще о смертных грехах с ней поговорил.

– Это было ни к чему, – ответил я.

– Почему?

– Потому что в ней не было главного смертного греха.

Смертного греха, не упомянутого в Писании.

– Какого?

– Равнодушия...

...Но наш разговор о неведомом завершился не просто.

Девочка приоткрыла губки и, проведя пальчиком по подбородку, высказала совсем новую мысль:

– Н-да... В мире очень много непонятного для людей. – И мне пришлось превратить ее монологическое предположение в диалог:

– Да.

Только для разных людей мера непонятного разная.

– Это – для каких людей? – уточнила она; и я ответил на ее не новую мысль – не новым утверждением:

– Для тех, кто хорошо учился в школе, – непонятного меньше...

– ...Такие вы молодцы, – Злата переходила от темы к теме так, как переходят реку вброд, не пользуясь мостами со светофорами и шлагбаумами.

Без малейшего перерыва; и это подтверждало то, что она была уверена в том, что говорит.

Но это была не проблема ее поколения.

Такое случалось во все времена:

– Мои предки меня тоже уму-разуму учить любят.

Это нельзя, и это нельзя.

А сами прожили в нищете, но, как магазины перестали пустовать, бросились за покупками.

Тряпки-то важнее всего оказались.

– Не переборщай, доченька, – тихо ответил я. Тихо – потому, что не был уверен в том, что девочка переборщает.

– Не переборщай?! – Злата не уточняла, а передразнивала меня:

– Да, для вашего поколения новая машина важнее новой женщины!

И этот вещизм вы называете нравственностью?

За тряпками погонялись, а страны, в которой вы родились, больше нет.

Теперь говорите, что это самая большая геополитическая катастрофа в истории, – Вот именно на этом месте Злата впервые заговорила не своими словами, и будь мои мозги порасторопней, первый аргумент в споре двух поколений мог бы у меня появиться уже тогда.

Но я иногда соображаю довольно медленно.

И хотя у меня есть оправдание – люди вообще медленно соображают – поколенческий диспут продолжился словами девушки:

– Будто эта история не на ваших глазах мимо вас текла.

– Да у вашего поколения нет будущего, – этим аргументом потомка хотела завершить свою тираду.

Но на самом деле вдруг просто поставила все на свои места.

Потому что я все понял.

«Будущее может быть только у тех, кто сделал правильный вывод из настоящего, – не ответил я. – Для остальных – настоящее так и останется в настоящем».

Земля только думала, что вертелась, но всего-навсего ходила по кругу.

Эта девочка была типичным продуктом постсоциализма.

Социализм – это время, когда все проблемы людей идут от глупости эпохи. А постсоциализм – это время, когда все проблемы эпохи идут от глупости созданных социализмом людей.

Девочка была недовоспитанным поколением наших детей.

Но проблема их поколения заключалась не в том, что это поколение оказалось недовоспитанным, а в том, что недовоспитанным было поколение их родителей.

К которым я относил и себя.

Злата продолжала раскачиваться на носочках, а я откинулся на спинку кровати и рассмеялся.

– Что вы смеетесь?

Разве я не права?

– Права, девочка, права!

Впрочем, и не права одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.